УДК 327:321.01

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТИПА

Шуклин Андрей Васильевич,
Тюменский государственный университет,
Институт филологии и журналистики,
кафедра философии,
соискатель,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: a-shuklin@nm.ru

Аннотация
В статье говорится о соответствии политических стратегий российскому типу цивилизации, в частности, социальным институтам, культуре, логике развития социума. Подчеркивая тезис о властецентричности российской цивилизации, вместе с тем утверждается, что в России сложилась своя, особая государственная субкультура, существующая параллельно культуре общественной жизни.

Ключевые понятия:
российская цивилизация,
политические стратегии,
власть,
культура.

Каждой цивилизации, в рамках которой существует культура, присущи специфические методы политического руководства. Отсюда выводятся стратегии развития, согласно которым предъявляются соответствующие требования к социальным институтам и членам социума. Так, в каждой цивилизации имеются свои особенности протекания политических процессов, своя правовая база и свои идеалы жизнеустройства.

В последнее время высшее политическое руководство России заявляет о необходимости проведения широкомасштабной модернизации, которую некоторые сравнивают с преобразованиями Петра Великого, модернизация которого, правда, полным успехом не увенчалась, ограничившись преобразованиями преимущественно в военной промышленности и политическом администрировании. Существует закон соответствия, когда изменения в одних сферах вызывают изменения в других. От проведения модернизации будет зависеть, какими будут политика и экономика будущего, наука и образование, социальные отношения и многое другое. Необходимо модернизировать не только средства, но и цели, нельзя ограничиваться только лишь заимствованием технологических новшеств: для их успешной адаптации и развития в новых условиях необходим определённый социальный и политический контекст. В России государственный интерес и польза государственного целого всегда были приоритетными, во всех начинаниях они стояли на первом месте, поэтому для их реализации приходилось проводить широкомасштабную мобилизацию народных масс, которая нередко характеризовалась сочетанием административных и насильственных методов воздействия.

Для модернизации необходимы инновационные способы преобразования общественных отношений и культуры. Но для этого необходимо также иметь ясное представление того, какими вообще они должны быть, и это, пожалуй, самое главное. Далее, соответственно замыслу, должна выстраиваться стратегия, каким способом будут реализовываться поставленные задачи. Проблема здесь заключается в том, что зачастую данный замысел является имплицитным, его нельзя точно, с полной определённостью, выразить.

Власть в России является персонифицированной: главную роль на политической арене играет определённая личность, именно с ней связываются достижения

определенной эпохи. Вокруг политического лидера, который в нашей стране всегда воспринимался не как символ, а именно как личность, группируются кланы, клики и группы лиц, называемые обычно одним ёмким термином «элита».

Но элита в нашей стране вряд ли сейчас способна формировать культурные предпочтения граждан, наоборот, в эпоху глобализации население всё более и более перестаёт быть объектом насаждения духовных ценностей, теперь оно само имеет возможность выбирать для себя наиболее подходящий ориентир для развития и подражания. Можно говорить о том, что в России сложилась уже своя, особая государственная субкультура, существующая параллельно культуре общественной жизни. Хотя в контексте глобализации уместно было бы сказать не «культуре» общественной жизни, а скорее даже «культурам».

Для глубокого анализа проводимого курса развития такая особенность протекания политических процессов в современной России таит немалые трудности. Стоит принять во внимание те социально-политические практики, имеющие место сегодня. Во многом, основываясь на их анализе, представляется возможным осуществить прогноз относительно того, в какую сторону будет осуществляться социально-политическое развитие, так как методы политического руководства отражают те базовые принципы, из которых исходит политическая власть.

В России государственные корпорации и централизация административного управления задействованы для усиления других государственных инстанций, предотвращения от возможной утраты привилегии государства в отношении производства и распространения знаний. Главную угрозу для национального государства представляет продукт глобализации – транснациональные корпорации. В экономике для государства могут быть утрачены решения относительно инвестиций, а в сфере информации и технологий оно рискует стать лишь пользователем. На сегодняшний день очевидно отставание России от глобальных модернизационных процессов, что актуализировало самые различные модели развития, основывающиеся зачастую на антагонистических принципах.

Власть определяет характер и особенности протекания политических процессов, способов ведения экономической деятельности порой исходя из мотивов собственной целесообразности, среди которых одним из доминирующих является её, власти, укрепление и расширение. При этом декларируемые ею цели и принципы могут диссонировать с теми решениями, которые претворяются в жизнь, и теми методами, которыми руководствуются в своей деятельности. В России на сегодняшний день самая влиятельная социальная группа – чиновничество, её привилегированное положение во многом определяет те ценности, которые она производит. Если цивилизации Запада антропоцентричны, исламский мир во многом теоцентричен, то российская цивилизация властецентрична.

При этом властецентричность российской цивилизации можно объяснить отсутствием в обществе достаточно развитой социальной страты, способной взять на себя ответственность за общественное развитие. Эту ответственность берёт на себя государство, что неминуемо ведёт к усилению бюрократии, в интересах которой стоит усиление власти как таковой. В таких случаях (при обозначении социальной группы) довольно часто можно встретить термин «сословие», значение которого порой оправдывается в нынешних реалиях, когда образуются замкнутые группы, а иногда и династии тех, кто всецело вовлечён в процесс обеспечения властного производства. Это повышает их управляемость и предсказуемость, но в тоже время заметно снижает эффективность.

Рост чиновничества, который порой превышает темпы роста общей численности населения, можно объяснить усложнением функций общества, которые оно в значительной степени берёт на себя [2, с. 238–239]. А увеличение удельной доли той или иной социальной группы или профессионального сообщества способно служить хорошим индикатором социальных сдвигов и говорить о том, на каком пути развития находится общество и какие цели для него приоритетны на данном этапе развития.

Но, несмотря на властецентричность российской цивилизации и централизацию российской политической системы, в глобализационную эпоху актуализируется проблема, как ни парадоксально это может прозвучать, централизации культурного пространства России. Следует особо отметить роль внешнего центра в контексте внешнего развития, когда глобальный мир представляет собой постоянно изменяющееся диалектическое противоречивое единство, в котором облик отдельных его

фрагментов может меняться в зависимости от воздействия внешних геополитических факторов.

При этом так называемый внешний центр может быть вынесен за рамки территории государственного образования. Он будет являться центром, вынесенным за пределы того образования, технологическую структуру которого он определяет. Так, ранее таким вынесенным центром на раннем этапе российской государственности была Золотая Орда. Затем, в 1990-е годы, в период слабости государственных институтов, подобная модель рассматривалась как альтернатива тогдашнему развитию России. Тогда, в период распада пространства власти, предполагалось, что роль центра возьмёт на себя, к примеру, Запад, международные институты и организации, типа МВФ, Всемирного банка и им подобные [4, с. 58–59].

Несмотря на критику российской централизации, у последней всё же имеются аргументы в свою пользу. Ведь если ослабить контроль над провинциями, имеющими разные социокультурные парадигмы, и даже чисто географически тяготеющими к другим цивилизациям, то им будет гораздо легче втянуться в орбиту их влияния. Остаётся актуальной дилемма о нахождении баланса между хаосом и порядком: первый несёт в себе творческий заряд, но в то же время склонность к аномии, а второй обеспечивает целостность, но с угрозой излишнего формализма и ригидности социальных структур.

Что касается соответствия стратегий, то власть в лице государства и чиновничьего аппарата управления в принципе полностью соответствуют в своих стратегиях властецентричному типу цивилизации. Причём власть эта персонифицирована, она часто непредсказуема, так как лидер в России не столько символ, сколько личность, то и последовательные принципы развития также имеют риск отсутствовать. Одновременно с централизацией власти усиливается негативное восприятие демократии и либерализма, слова эти становятся почти ругательными, хотя в то же время они лишь выражают жизненную программу, целью которой является стремление к свободе [5, с. 13–15].

Стоит проанализировать те ресурсы и рычаги влияния, благодаря которым Россия может упрочить своё положение в глобализирующемся мире. На сегодняшний день таковыми могут являться не только военная мощь, которая долгое время была решающим фактором внешней политики, но и экономическое сотрудничество, торговые связи, финансовые и информационные потоки. Так же (в качестве механизмов воздействия одной цивилизации на другую) используется и культурное воздействие, осуществляемое путём использования средств массовой информации, живущей за пределами исторического происхождения диаспоры, образовательных программ, распространения литературы, духовных ценностей, произведений искусства, политических идеологий.

При этом цивилизации, оказывающие политическое и экономическое воздействие на своих соседей, сами становятся подвержены культурному влиянию со стороны периферии. Так, Соединенные Штаты Америки испытывают сейчас сильнейшее воздействие в культурном плане со стороны латиноамериканской цивилизации, хотя в экономическом и политическом отношениях государства, к ней относящиеся, несоизмеримо слабее своего северного соседа. Европа всё активнее демографически смешивается с арабским миром; Китай, посредством своей экономически активной диаспоры получающий поддержку с родины, устанавливает контроль над экономиками сопредельных государств.

Американский политолог П. Бьюкенен, подробно описавший влияние диаспорального элемента на систему управления обществом, говорил о том, что он может представлять собой не только систему преобразования административных рычагов, но и менять в целом культурный и ментальный портрет цивилизации. В его работе «Смерть Запада» указывалось на то, что Соединенные Штаты Америки в результате мощного миграционного воздействия и смены культурных и общественных приоритетов перестают быть прежней цивилизацией [3]. Дело в том, что представители отдельных цивилизаций всегда географически шире мест своего исторического происхождения, они могут проживать и распространять принципы, на которых основаны их исконные цивилизации, далеко за их пределами. Поэтому в эпоху глобализации корреляция между нацией и государством далеко не столь отчётлива.

В России очень сложно назвать критерий, согласно которому всё население страны могло бы называться единой общностью. При наличии единого политического вектора развития, сложившегося благодаря централизации власти, не существует единого вектора культурного раз-

вития, представлен, скорее, «веер», набор культурных образов, парадигм, стратегий, порой конкурирующих друг с другом. Для эффективной реализации политического курса необходимы легитимная власть и единая гражданская нация. Проблема построения данного сообщества часто заключается в наличии гетерогенного населения, которому весьма непросто привить чувство общей идентичности и общих интересов [1, с. 125–132].

Оптимальным вариантом для России было бы налаживание диалога власти, которая является конфигуратором российской цивилизации и олицетворяет упорядоченность с общественными структурами, несущими в себе потенциал смыслового творчества и представляющими культуру общественной жизни. Российской цивилизации необходимо культурное обновление: консервативная культура может отталкивать новшества, которые сегодня крайне необходимы. Поэтому жизненно необходима стратегия общественного диалога, так как она поможет не допустить наступления эндогенного кризиса равновесия (застоя).

Вопрос соответствия российских политических стратегий её цивилизационному типу неизбежно наталкивается на вопрос о том, насколько политическая система стремится преодолевать отставание и эволюционировать. В откате назад могут быть заинтересованы бенефициарии существующей политической системы, имеющие статус, власть и материальные блага благодаря действующей властной конфигурации. Отсутствие социальной динамики, закоснелость общественно-политической мысли, клановость и возврат к додемократическим формам отношений вполне могут гарантировать устойчивость положения элит, несменяемость кадров, способность выгодно обеспечить себя дивидендами, независимо от наличия или отсутствия конкурентной среды.

Политика способна быть креативной в том случае, когда субъект управления заинтересован в развитии общества и когда созданы предпосылки для социально-экономической полицентричности, которая, в свою очередь, является залогом демократии и налаживания диалога на паритетных началах. Только тогда политика станет не только отражением экономики, но и фактором общественного развития в сторону прогрессивных изменений. Столь свойственная же российской цивилизации выработка политической стратегии путём совещательной соборности (с правом решающего голоса лидера) грозит застоем и архаизацией социально-политических практик, что неизбежно сделает российскую цивилизацию неконкурентоспособной и, как следствие, неадаптивной к глобализационному контексту современности.

Соответствие политических стратегий развития России её цивилизационному типу имеет две особенности: мессианство и властецентричность. Мессианство выражается в осознании своего исторического предназначения, расширении границ воздействия, постоянстве данной потребности, порой имплицитной и подсознательной, не выраженной чётко и не оформленной концептуально.

Так как российская цивилизация является властецентричной, централизованной, воспроизводящей политические технологии, технологии власти, то в качестве первоочередной задачи при расширении цивилизационного пространства всегда стояло изменение местного политического дизайна по своему образцу. Равно как не менее важной была задача гомогенизации внутреннего политического пространства, делающая жизненно важным вопрос централизации. В совокупности с мощным идеологическим базисом, идейно заряженным мессианством, расширение цивилизационного пространства получало высокий смысл и значение, оно рассматривалось как нечто должное и необходимое. Сегодня же, при отсутствии у российской цивилизации символического капитала (идеологии), мессианство также носит сугубо технический, инструментальный характер.

Попытки расширения цивилизационного пространства в современной России очевидны, но пока не ясно, каким законам и какой логике всё это подчиняется. Индикаторами неясности являются отсутствие твёрдого внешнеполитического кредо, череда реформ во внутренней политике, зачастую проводимых по западному образцу при одновременном усилении некоторых традиционных компонентов. Налицо разнонаправленность тенденций и неопределённость перед большим количеством ориентиров, их частая смена.

Определяя Россию как влестецентричную цивилизацию, стоит сказать, что политическое руководство, система государственных органов управления оказывают определяющее воздействие на цивилизационную структуру с помощью воли, авторитета, права, насилия. Это порой ведёт к чрезмерной централизации и существованию единого центра управления и выработки политических стратегий.

В то же время Россия характеризуется неоднородностью, состоящей из нескольких субцивилизаций, исторически и культурно тяготеющих к другим цивилизационным типам, но центростремительно интегрированных политической властью. Поэтому в России представлен спектр, касающийся не только отдельных политических воззрений, всё чаще происходят разногласия между религиозными доктринами и идеями светского гуманизма. В последнем случае можно говорить о наличии не только разночтений по отдельным вопросам, но и различных видений общественного устройства в целом. Поэтому на сегодняшний день актуальной является выработка таких методов социально-политического регулирования, которые обеспечат их существование и диалог. Что, в свою очередь, будет предполагать дальнейшую полицентричность в разработке политических стратегий России.

1. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии [Текст] / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. 1992. № 4. С. 125–132.

2. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) [Текст] / А.С. Ахиезер. Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.

3. Бьюкенен, П. Смерть Запада [Текст] / П. Бьюкенен. М.: АСТ, 2007. 448 с.

4. Королев, С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России [Текст] / С.А. Королев. М.: ИФРАН, 1997. 234 с.

5. Павлов, А.В. Либерализм и открытое общество [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2011. № 4. С. 13–20.

6. Ханна, П. Второй мир [Текст] / П. Ханна / Центр исследований постиндустриального общества; Вступ. статья В.Л. Иноземцева. М.: Издательство «Европа», 2010. 616 с.

References

1. Almond G., *Verba S. Polis*, 1992, no. 4, pp. 125–132 (in Russian).

2. Ahiezer A.S. *Rossija: kritika istoricheskogo opyta* (sociokul'turnaja dinamika Rossii) [Russia: review of historical experience (sociocultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk, Sibirskij hronograf, 1997, 804 p. (in Russian).

3. B'jukenen P. *Smert' Zapada* [Death of the West]. Moscow, AST, 2007, 448 p. (in Russian).

4. Korolev S.A. *Beskonechnoe prostranstvo: geo- i sociograficheskie obrazy vlasti v Rossii* [Infinite space: geo- and sociographic images of power in Russia]. Moscow, IFRAN, 1997, 234 p. (in Russian).

5. Pavlov A.V. *Socium i vlast',* 2011, no. 4, pp. 13–20 (in Russian).

6. Hanna P. *Vtoroj mir* [The second world]. Moscow, Izdatel'stvo «Evropa», 2010, 616 p. (in Russian).

UDC 327:321.01

CORRELATION BETWEEN POLITICAL STRATEGIES OF MODERN RUSSIA AND RUSSIAN CIVILIZED TYPE

Shuklin Andrey Vasilyevich,
Tyumen State University, Institute of Philology and Journalism, Degree seeking applicant of the Chair of Philosophy, Tyumen, Russia.
E-mail: a-shuklin@nm.ru

Annotation
The article tells about correspondence of political strategies to the Russian type of civiization, in particular to social institutions, culture, logic of socium development. Underlying the thesis about power centricity of Russian civilization, the author states that there has been founded a peculiar state subculture existing in parallel to the culture of social life.

Key concepts:
Russian civilization,
political strategies,
power,
culture.